

В тот миг, когда Ся Цзысюнь покинула свою школу, она кожей почувствовала, как ей в спину вонзаются осуждающие и полные презрения взгляды. Прижав к груди ребенка, она, пошатываясь, но с непоколебимой решимостью ступила в неизвестность дикой глуши. Холодный ветер, подобно клинку, безжалостно полосовал ее щеки, словно пытаясь отнять последнее крохотное тепло. Она машинально запахнула одежду, стараясь своим хрупким телом создать для малыша хоть какую-то защиту от пронизывающего стужи. Малыш, словно почувствовав тревогу и страх матери, тихонько захныкал. Этот слабый плач вонзился в сердце Ся Цзысюнь, словно острый нож, от боли у нее перехватило дыхание.

Чтобы избежать возможного преследования, Ся Цзысюнь выбирала самые безлюдные и труднопроходимые тропы. Дорога под ногами была каменистой и грязной, каждый шаг давался с огромным трудом, и стоило ей хоть на мгновение потерять бдительность, как она тут же могла упасть. Ее волосы растрепались от неистового ветра, влажные пряди прилипли к бледному, как бумага, лицу, лишь подчеркивая ее жалкий и беспомощный вид. Однако в ее глазах горел решительный огонь — это была сила, рожденная любовью к ребенку, заставлявшая ее двигаться вперед.

Наступила ночь, чернильная тьма накрыла собой весь мир. Ся Цзысюнь пробиралась сквозь лесную чащу, неуверенно переступая с ноги на ногу. Со всех сторон то и дело доносился утробный рык диких зверей, отчего сердце ее начинало бешено колотиться. Она прижимала к себе ребенка и, не смея остановиться ни на миг, продолжала путь, внимательно прислушиваясь к каждому шороху. Плач малыша становился все слабее, и Ся Цзысюнь охватила паника: ей нужно было как можно скорее найти безопасное место, где ребенок мог бы обрести хоть капельку покоя.

Наконец, в глубине леса она наткнулась на заброшенную хижину. В темноте она казалась совершенно разрушенной: соломенная крыша давно прохудилась, стены покосились и, казалось, вот-вот рухнут под напором ледяного ветра. Но Ся Цзысюнь было уже не до выбора: обняв ребенка, она поспешно вбежала внутрь.

В воздухе стоял запах сырости и гнили, пол был устлан толстым слоем пыли и мусором. Ся Цзысюнь осторожно уложила малыша на старую деревянную кровать, которая издала скрипучий звук, грозя вот-вот развалиться. Обыскав хижину, она наконец нашла в углу немного сухих веток и трухи. С огромным трудом ей удалось разжечь их с помощью припасенного огнива. В тот же миг заплесало теплое пламя, осветив темную лачугу и подарив матери и ребенку крохотную надежду.

В свете костра Ся Цзысюнь увидела покрасневшее от холода личико малыша, и ее глаза наполнились слезами от жалости. Она нежно погладила ребенка по щеке и прошептала, едва сдерживая рыдания: Прости, малыш, это мама не уберегла тебя, заставила страдать. Малыш, словно почувствовав материнскую ласку, взмахнул ручонкой и издал слабый лепет. Этот крохотный отклик согрел сердце Ся Цзысюнь и еще больше укрепил ее решимость защитить свое дитя.

Однако короткий покой длился недолго. Со временем запасы еды подошли к концу, а в лесу становилось все труднее найти что-либо съедобное. Ся Цзысюнь была вынуждена, преодолевая слабость, снова отправляться в неизведанную чащу. Она пробиралась сквозь густые заросли, ее

руки были исцарапаны шипами до крови, но она даже не замечала боли — все ее мысли были заняты лишь тем, как накормить ребенка. Она обшаривала каждый куст, каждое дерево, не упуская ни одного уголка, где могла бы быть хоть какая-то еда.

Малыш, потерпи еще немного, мама обязательно что-нибудь найдет, — тихо шептала она, и в ее голосе сквозила усталость, смешанная с твердостью. Наконец, под одним из деревьев она обнаружила несколько диких плодов. Хотя они были мелкими и невзрачными, для нее они стали бесценным сокровищем. Аккуратно собрав их, она спрятала плоды за пазуху.

Но судьба словно любила играть с ней. Однажды, когда Ся Цзысюнь была в хижине и укачивала ребенка, она внезапно услышала тихие шаги снаружи. Сердце ее сжалось, она машинально прижала к себе малыша и отпрянула в самый дальний угол. Затаив дыхание, она прислушивалась к происходящему, сердце колотилось в груди так сильно, будто пыталось вырваться наружу.

Ты уверен, что она пошла именно сюда? — раздался хриплый голос.

Ошибки быть не может, в этих краях только эта хижина, она точно спрячется внутри, — ответил другой.

Пульс Ся Цзысюнь участился, она поняла: беда близко. Она незаметно начала концентрировать духовную силу, готовясь в любой момент отразить опасность. В тот самый миг, когда преследователи собрались выбить дверь, ребенок вдруг заплакал. Ся Цзысюнь почувствовала, как внутри все оборвалось — она знала, что скрываться больше не получится.

В критический момент из окна влетела духовная птица, подхватила ее за колку и устремилась вдаль. Преследователи, решив, что Ся Цзысюнь бросилась наутек вслед за птицей, в спешке бросились в погоню. Ся Цзысюнь облегченно выдохнула, но не посмела медлить: подхватив ребенка, она поспешно выскользнула через заднюю дверь.

Она неслась по лесу, не разбирая дороги. Ветер свистел в ушах, ветки хлестали по лицу и телу, но она не чувствовала боли. Неизвестно, как долго она бежала, и только убедившись, что преследователи не следуют по пятам, она наконец остановилась. К этому моменту одежда ее превратилась в лохмотья, волосы спутались, а силы были почти на исходе. Но когда она взглянула на мирно спящего ребенка, в ее глазах снова вспыхнул огонек надежды.

Она знала: чтобы найти Лань Цижэня и обеспечить малышу спокойную жизнь, ей нужно как можно скорее уйти отсюда. Путь впереди был долгим, полным опасностей и неизвестности, но ради ребенка, ради этой любви, у нее не было пути назад. Даже если впереди будут тернии и бушующие волны, она без колебаний пойдет вперед, ведь в ее сердце ребенок и Лань Цижэнь значили всё.